

И. В. Фомин

МОДЕЛИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СИНТАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОБРАЗОВ ГОСУДАРСТВ

Представлена семиотически ориентированная методика анализа образов государств. На основе разработок структурной семиотики повествований предложена схема разбора синтактики образов, подразумевающая изучение их с точки зрения актантных ролей, характерных для изображаемых государств в тех или иных дискурсах. Возможности актантной модели А.-Ж. Греймаса проиллюстрированы на примере сравнительного анализа образов Южной Осетии и Косова в российском внешнеполитическом дискурсе.

This article presents a semiotics-oriented methodology of analysing images of states. Based on the results obtained in the field of structural semiotics of narration, the author introduces a scheme for analysing the syntactics of images suggesting their consideration from the perspective of actantial roles characteristic of the states in question in certain discourses. A.J. Greimas's model of narrative syntactics is used to demonstrate how syntactic descriptions of images of states can be built in the case of Kosovo and South Ossetia as presented in official Russian political discourse.

Ключевые слова: Греймас, дискурс, Косово, образ, образ государства, синтактика, Южная Осетия.

Key words: discourse, Greimas, image, image of state, Kosovo, syntactics, South Ossetia.

Образ государства в предмет политического дискурс-анализа

В современной политической науке часто встречаются исследования, в которых идет речь об анализе тех или иных образов [1, с. 131; 2, с. 10; 3 и др.]. Однако при этом вопросы теоретического и методологического характера подробно изучаются лишь в немногих из них, да и то выборочно. Не существует, в частности, и точного определения того, что такое «образ государства».

Среди немногих исследований, ориентированных на анализ теоретических оснований изучения образов государств, можно отметить концепции М. В. Берендеева [1; 4], Э. А. Галумова [5; 6], Д. Н. Замятина [7] и И. Ю. Киселева [8]. В зарубежной литературе сложился также обширный корпус работ по смежным вопросам, в том числе связанным с изучением проблематики национальной идентичности [9; 10 и др.].

При этом острой остается проблема отсутствия в политической науке развитых теоретико-методологических разработок, которые позволяли бы составлять систематические описания образов государств, укорененные в систематизированном анализе политических текстов. Можно надеяться, что предлагаемая здесь к обсуждению аналитическая схема поможет отчасти решить эту проблему. В рамках статьи предлагается рассмотреть один из теоретико-методологических аспектов анализа образов государств, проиллюстрировав предлагаемую методологическую рамку примерами.

В качестве отправной точки для рассуждений можно использовать определение понятия образа как знака, нагруженного дополнительным означаемым, специфическим для каждого конкретного дискурса. И с этой позиции задача анализа образов государств сводится к описанию тех дискурсивно специфических правил, от которых зависит манера изображения того или иного международного актора.

Для систематического описания таких конвенций можно применить трехуровневую дескриптивную модель, восходящую к теории знаков Ч. У. Морриса. В соответствии с этой концепцией, любая семиотическая действительность может быть описана в трех измерениях:

- 1) семантическом (отношения между знаками и обозначаемыми объектами);
- 2) синтактическом (отношения между самими знаками);
- 3) прагматическом (отношения между знаками и ситуацией их порождения) [11, с. 42].

В настоящей статье остановимся на одном из этих трех аспектов — на образной синтактике¹.

Модели повествовательной синтактики

Для описания синтактического уровня дискурсов существуют различные подходы. Здесь рассмотрим те из них, что ориентированы на описание текстов, относящихся к категории повествовательных. С синтактической точки зрения повествовательным можно назвать такой

¹ О семантическом и прагматическом аспектах анализа образов см.: [12–15].

текст, в котором преобладающим типом связей между смысловыми элементами являются временные [16, с. 79–80]. Противопоставить повествовательный текст в этом смысле можно текстам описательным и поэтическим, в которых доминирует не временная, а пространственная логика организации.

Одна из наиболее известных моделей описания дискурсивной синтактики была предложена В.Я. Проппом. Проанализировав материал русских волшебных сказок, он объединил элементарные содержательные элементы этих повествований в так называемые круги действий и в результате получил семь инвариативных действующих лиц (актантов), типичных для всех текстов исследуемого жанра [17; 18, с. 157]. Такая семиактантная модель (*вредитель, даритель, помощник, искомый персонаж, отправитель, герой и ложный герой*) оказалась достаточна для исследовательских задач Проппа. С ее помощью он смог определить русскую волшебную сказку с формальных позиций – как рассказ, подчиненный семиперсонажной схеме [17, с. 76]. Семь выделенных Проппом актантов при этом оказались чем-то вроде грамматических ролей, характеризующих тот или иной член предложения. Но распределялись эти роли не в рамках одного предложения, а в масштабах всего повествования.

Подход Проппа хорошо показывает природу актантных отношений, однако сама его модель не единственный способ описания сюжетной синтактики. Например, Ц. Тодоров предлагает более универсальную схему синтаксического описания повествований, которая не связана с конкретным жанром. Он ведет речь о пяти позициях, в которых могут находиться элементарные единицы повествования, образуя целостный элемент сюжета (эпизод). Эти позиции: равновесие → нарушение равновесия → неравновесие → восстановление равновесия → новое равновесие [16, с. 88–89].

Модели повествовательного синтаксиса, предлагающиеся различными авторами, демонстрируют большую степень сходства, различаясь в основном лишь небольшими деталями. Универсально для них проводимое на уровне повествования в целом, или на уровне отдельных эпизодов аристотелевское членение сюжета на «начало», «развитие» и «конец». При этом любой из элементов схемы затем может рекурсивно преобразовываться во вложенную цепочку с собственным «началом», «развитием» и «концом» и т. д. [19; 20].

Несколько иначе подходит к решению задачи универсального моделирования повествовательной синтактики А.-Ж. Греймас [18, с. 158–163]. Исходным пунктом для рассуждений Греймаса при этом выступала синтаксическая структура обычного повествовательного предложения, в которой есть «субъект», «объект», «обстоятельство» и «дополнение». В соответствии с этими элементами в модели Греймаса выделяются три семантические оси и шесть актантов:

- 1) ось желания (субъект – объект);
- 2) ось испытаний (помощник – противник);
- 3) ось коммуникации (адресант – адресат) (рис. 1).

Рис. 1. Актантная схема А.-Ж. Греймаса

Согласно модели А.-Ж. Греймаса:

- субъект направлен на объект, стремится к установлению связи с ним (желает или ищет его);
- помощник способствует установлению связи между субъектом и объектом;
- противник препятствует установлению связи между субъектом и объектом;
- адресант запрашивает установление связи между субъектом и объектом;
- адресат выигрывает от установления связи между субъектом и объектом.

Определенный актант включает целый класс персонажей и может воплощаться в самых различных акторах, в том числе и в нескольких, а также может опускаться.

Именно модель А.-Ж. Греймаса ниже будет использована для иллюстрации того, как синтаксические описания позволяют анализировать образы государств.

Пример анализа образной синтактики: образы Южной Осетии и Косова

В качестве примера того, как могут составляться синтаксические описания образов государств, обратимся к сравнительному анализу образов двух из них – Южной Осетии и Косова – в российском внешнеполитическом дискурсе. Эти два международных казуса можно рассматривать как однопорядковые, однако с точки зрения российской внешней политики они очевидным образом различаются. Именно поэтому их разбор в рамках анализа российского политического дискурса интересен сам по себе.

Для исследования были отобраны тексты российского президента в период с 2008 по 2012 г. Для каждого из текстов, вошедших в корпус, было произведено построение актантной схемы по модели А.-Ж. Греймаса, в которую были вписаны основные фигурирующие в повествовании акторы и события. После проведения анализа и построения схемы для каждого отдельного текста появилась возможность выявить тексты, сходные со схемой распределения актантных ролей, а также определить схемы, общие не только для конкретных текстов, но и для всего дискурса.

Таким образом, для Республики Южная Осетия (РЮО) были выявлены четыре актантные схемы, согласно которым можно в основном описать ее образ в исследуемом дискурсе (рис. 2–5).

Первый из типичных сюжетов разворачивается вокруг отношений между Грузией и Южной Осетией, выстраивающимися по оси желаний (рис. 2):

Адресант: —	Объекты: Южная Осетия Абхазия	Адресаты: Гибель людей Гуманитарные проблемы Угроза мировому правопорядку
Помощники: Россия (пытается сохранить целостность Грузии) Война Геноцид народа Южной Осетии	Субъект: Грузия	Противники: Россия (признает независимость РЮО) Народ Южной Осетии Южная Осетия Здравый смысл Международное право

98

Рис. 2. Первая актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии

Южная Осетия в этой схеме оказывается в трех актантных ролях. Во-первых, она напрямую задействована в позициях объекта (которым желает обладать Грузия) и противника. Во-вторых, косвенным (пассивным) образом представлена как элемент пропозиции, входящий в актанты помощника и противника: геноцид югоосетинского народа — одно из средств, содействующих присоединению республики к Грузии, признание Южной Осетии Россией — способ остановить силовую попытку присоединения РЮО к Грузии.

Несколько иначе сконфигурированы повествовательные роли в другом типе сюжетов (рис. 3), который был также выявлен при анализе исследуемого дискурса.

Адресант: —	Объекты: Независимость Государственность Суверенитет	Адресат: —
Помощники: Право на самоопределение Референдумы в РЮО и Абхазии Российское признание	Субъекты: Народ Южной Осетии Народ Абхазии	Противник: —

Рис. 3. Вторая актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии

Подобная схема распределения актантных ролей встречается в корпусе исследованных текстов несколько реже, чем та, что была дана выше (рис. 2). Тем не менее ее также можно назвать одной из доминирующих в российском политическом дискурсе. Эта схема описывает набор событий схожий с тем, что охватывается схемой первого типа, однако с позиции повествовательной синтактики она выстроена иначе.

В этой схеме народ Южной Осетии выступает в качестве субъекта, устремленного к обретению государственности, независимости, самостоятельности и т.п. Установлению этой связи способствует, в частности, признание Южной Осетии Россией. При этом в качестве средств обретения независимости иногда указываются проведенный в РЮО референдум по вопросу о независимости республики, а также право югоосетинского народа на самоопределение.

Наконец, еще один тип актантной конфигурации, который был выделен на проанализированном материале, предполагает нахождение России в роли субъекта, который ориентирован на противоречивый набор объектов: сохранение территориальной целостности Грузии и соблюдение прав югоосетинцев (рис. 4).

Адресант: –	Объекты: Территориальная целостность Грузии Защита интересов осетин и абхазов Защита жизней жителей РЮО	Адресат: –
Помощники: Российские миротворцы Международные усилия Признание РЮО Россией	Субъект: Россия	Противник: Грузия

Рис. 4. Третья актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии

В данной схеме Южная Осетия представлена лишь в пассивной роли и косвенным образом — в контексте признания республики Россией (помощник) и в виде указания на интересы югоосетинского народа (объект).

Рассмотренные выше сюжетные схемы описывают преимущественно события, происходившие до признания Южной Осетии Россией или сразу после этого. Если же говорить о текстах более позднего периода, то для них характерны иные актантные конфигурации. Наиболее распространенная из них такова (рис. 5).

Адресант: Международное право	Объекты: Мир Стабильность Развитие абхазского и югоосетинского народов Безопасность Партнерство Независимость РЮО и Абхазии	Адресат: –
Помощники: Договоры РЮО с Россией Признание со стороны России	Субъекты: РЮО Абхазия Россия	Противник: –

Рис. 5. Четвертая актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии

В этом типе повествования также присутствуют эпизоды, связанные с признанием Южной Осетии Россией, однако дополнена обсуждаемая проблематика темами, касающимися послевоенного развития Южной Осетии и выстраивания отношений между РЮО и Россией.

Зачастую в этих сюжетах и РЮО, и Россия представлены в позициях субъектов, устремленных к обеспечению развития, безопасности и восстановлению Южной Осетии.

При этом очень важным смысловым узлом оказывается эпизод, относящийся к заключению договоров о сотрудничестве между Россией и РЮО. В ряде текстов он выступает в роли помощника при соответствующих субъекте и объекте.

При описании образа Косова возможно построение трех типичных сюжетных схем. В первой схеме (рис. 6) признание Косова и его отделение от Сербии определены как объекты, на которые направлен субъект в виде некоторых стран (в текстах эти страны обычно не обозначены). При этом указывается, что достижение подобных целей требует преодоления препятствий, диктуемых международным правом.

100

Адресант: –	Объекты: Отделение Косова от Сербии Признание Косова	Адресат: –
Помощник: Усилия некоторых стран	Субъект: Некоторые страны	Противник: Международное право

Рис. 6. Первая актантная схема, характеризующая образ Косова

Несколько иная конфигурация сюжетного элемента, связанного с независимостью Косова, отражена во второй схеме (рис. 7).

Адресант: –	Объект: Глобальное доминирование	Адресаты: Размежевание в международной жизни Косова (провозглашение независимости Косова) Реанимация политики сдерживания
Помощник: Односторонние действия США	Субъект: США	Противник: Россия

Рис. 7. Вторая актантная схема, характеризующая образ Косова

В соответствии с зафиксированной в этой схеме логикой провозглашение независимости Косова оказывается следствием (адресатом) стремления США (субъект) к глобальному доминированию (объект) посредством односторонних действий (помощник).

О том, как встроена в российский внешнеполитический дискурс позиция России по вопросу о косовском урегулировании, можно судить на основании третьей схемы (рис. 8). Согласно данной в ней актантной

конфигурации Россия выступает в роли помощника, способствующего обеспечению национальных интересов и единства Сербии (субъект-объект).

Адресант: –	Объекты: Национальные интересы Сербии Территориальная целостность Сербии	Адресат: –
Помощники: Россия Неприятие Россией признания Косова	Субъект: Сербия	Противник: –

Рис. 8. Третья актантная схема, характеризующая образ Косова

Как видим, ни в одной из актантных схем Косово не представлено напрямую в роли действующего актора. Роль, отводимая Косову в российском внешнеполитическом дискурсе, косвенная и пассивная, и косовская проблематика обсуждается преимущественно через призму взаимодействия других акторов — России, США и Сербии.

Из описаний, составленных по одинаковой модели для образов Южной Осетии и Косова, можно сделать заключения о том, в чем именно образы этих двух государств сходны, а в чем различны. Как можно увидеть, Южная Осетия и Косово в ряде случаев участвуют в своего рода зеркальных конструкциях со сходными смысловыми узлами на оси желаний (субъект–объект) и противоположными — на оси испытаний (помощник–противник) (ср.: рис. 2 и 6). В остальных актантных конфигурациях, характеризующих Южную Осетию и Косово, они демонстрируют серьезные различия.

Результаты, которые удалось получить, проведя анализ образа Южной Осетии по актантной схеме А.-Ж. Греймаса, позволяют предположить, что применение такой схемы может быть продуктивным при дескриптивных и компаративных исследованиях, когда требуется детально и систематически описать образы тех или иных политических акторов. Для каждого входящего в исследуемый дискурс текста разрабатывается схема распределения актантных ролей и выясняется место, занимаемое в ней изучаемым актором.

В качестве одного из достоинств очерченной схемы можно отметить тот факт, что в проводимых с ее использованием исследованиях кодированные описания образов могут быть собраны на самом разном материале. При этом «язык», на котором такого рода описания составляются, оказывается независим от дисциплинарных границ, продиктованных тематикой текстов или дисциплинарной принадлежностью исследователя. Впрочем, это следует отнести не столько к числу преимуществ данного конкретного метода, сколько в целом ко множеству возможных семиотически ориентированных методов анализа социальной действительности. И анализ повествовательной синтактики — лишь один из многих доступных инструментов такого рода.

Список литературы

1. Берендеев М. В. «Образ» как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2012. Вып. 3. С. 131–137.
2. Семенов И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. №5. С. 7–18.
3. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3 (19). С. 29–45.
4. Берендеев М. В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 91–99.
5. Галумов Э. А. Международный имидж России. М., 2003.
6. Галумов Э. А. Имидж против имиджа. М., 2005.
7. Замятин Д. Н. Метагеография. М., 2004.
8. Киселев И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы // Политэкс. 2007. №3. С. 253–260.
9. Wendt A. Collective identity formation and the international state // American political science review. N. Y., 1994. Vol. 88, № 2. P. 384–396.
10. Krzyżanowski M. The Discursive Construction of European Identities. Frankfurt a/M, 2010.
11. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
12. Фомин И. В. Возможности структурного исследования образов в политических дискурсах // Политическая наука. 2012. №2. С. 237–250.
13. Возможности анализа репрезентаций в государственных образованиях в политических дискурсах (на примере образа Косова) // Полис. 2014. №2. С. 124–137.
14. Фомин И. В. Образы Южной Осетии и Косова в российском внешнеполитическом дискурсе // Политика. 2014. №2. С. 128–143.
15. Фомин И. В. Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // Символическая политика. 2014. №2.
16. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 37–113.
17. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.
18. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 153–170.
19. Цымбурский В. Л. Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2014. Вып. 4.
20. Фомин И. В. Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // Там же.

Об авторе

Иван Владленович Фомин — мл. науч. сотр., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва.
E-mail: fomin.i@gmail.com

About the author

Ivan Fomin, Junior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: fomin.i@gmail.com